

А. Ю. Суслов

**ЭВОЛЮЦИЯ ПАРТИИ ЭСЕРОВ В ЭМИГРАЦИИ:
КОНФЕРЕНЦИЯ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-
РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ В ПРАГЕ (1931 г.)**

Аннотация.

Актуальность и цели. Изучение истории российской многопартийности требует анализа деятельности политических партий на завершающем этапе их существования – в период эмиграции. Цель работы – проанализировать эволюцию программных положений партии социалистов-революционеров в эмиграции после октября 1917 г.

Материалы и методы. Исследовательские задачи решались на основе использования документов, извлеченных из фондов коллекции Б. И. Николаевского, хранящейся в Гуверовском институте войны, революции и мира (США). Это прежде всего протоколы конференции партии социалистов-революционеров в Праге в 1931 г. Методологический потенциал включает следующее: сравнительно-исторический метод, применение которого позволяет проследить эволюцию программных положений партии; интерпретация историографических фактов исходит из принципа историзма, в соответствии с которым анализ той или иной теоретической конструкции детерминируется мировоззренческими установками ее автора, особенностями общего состояния науки, тенденций общественной мысли, особенностями социальной практики и исторической памяти.

Результаты. Исследована эволюция программных установок партии социалистов-революционеров в эмиграции на примере пражской группы ПСР. Рассмотрены особенности восприятия событий 1917 г. в эмиграции. Отмечена рефлексия эсеров-эмигрантов по проблемам партийной истории, оценки исторической роли неонародничества.

Выводы. Материалы конференции в Праге 1931 г. свидетельствуют о противоречивом характере трансформации партии социалистов-революционеров в эмиграции. Под влиянием событий в Советском Союзе партия, с одной стороны, утрачивала революционную традицию, с другой – пыталась сохранить верность программным положениям.

Ключевые слова: партия социалистов-революционеров, эмиграция, демократия, социализм, народничество, историография.

А. Yu. Suslov

**EVOLUTION OF THE SOCIALIST PARTY IN EXILE:
CONFERENCE OF THE SOCIALIST-REVOLUTIONARIES
PARTY IN PRAGUE (1931)**

Abstract.

Background. The study of the history of the Russian multi-party system requires an analysis of the activities of political parties at the final stage of their existence – in the period of emigration. The goal of the study is to analyze the evolution of the program provisions of the party of socialist-revolutionaries in exile after October 1917.

Materials and methods. Research tasks are addressed through the use of documents derived from the collection Boris I. Nikolaevsky stored in Hoover Institute of

war, revolution and peace (USA). These are, first of all, the protocols of the conference of the party of socialist-revolutionaries in Prague in 1931. Methodological potential includes the comparative historical method, application of which allows to trace the evolution of the program provisions of the party; interpretation of historiographical facts based on the principle of historicism, in accordance with which the analysis of one or another theoretical aim is determined by means of ideological attitudes of its author, by peculiarities of the general state of science, trends of social thought, characteristics of social practices and historical memory.

Results. The author studied the evolution of the program goals of the party of socialist revolutionaries in exile by the example of Prague group PSR. Considered are the peculiarities of the perception of the events of 1917 in emigration. The author marked the reflection of the social revolutionary emigrants on the problems of the party history, evaluation of the historical role of neo-populism.

Conclusions. Materials of the conference in Prague, 1931, show the contradictory nature of the transformation of the party of socialist revolutionaries in exile. Under the influence of events in the Soviet Union, the party, on the one hand, lost the revolutionary tradition, on the other - tried to remain faithful to the program provisions.

Key words: the socialists-revolutionaries party, emigration, democracy, socialism, populism, historiography.

В начале 1931 г. Пражская группа партии социалистов-революционеров провела теоретическую конференцию, посвященную обсуждению различных вопросов программы партии эсеров, находящейся в эмиграции. Всего было проведено 18 заседаний, обсуждено семь докладов. Эсер В. С. Минахорян писал об этом товарищу по партии М. И. Кляверу из Праги в Харбин 15 мая 1931 г.: «Занятия нашей конференции затянулись дольше... мы провели 18 заседаний, обсудили 7 докладов, и надеюсь в ближайшее время послать вам копию всех протоколов с тезисами докладчиков через Шанхай, чтобы и там можно было с ними ознакомиться. Вопрос о созыве съезда З[аграничной] О[рганизации] ПСР, как вы уже знаете из писем О[бластного] К[омитета], достаточно созрел, но съезд без предварительной разработки вопросов, подлежащих его рассмотрению, по мнению почти всех товарищей в Праге, лишен всякого смысла» [1, л. 1].

Примечательно, что в работе конференции не принимал участия один из лидеров партии В. М. Чернов, находившийся в тот момент в Праге. Очевидно, он не был приглашен на конференцию в результате острых конфликтов в рядах социалистов-революционеров в эмиграции.

Материалы данной конференции, за небольшим исключением не опубликованные и не введенные в научный оборот, являются ценным источником для понимания эволюции программных установок партии социалистов-революционеров в эмиграции в 1920–1930-е гг. Петербургский историк и журналист Е. И. Фролова опубликовала часть выступления И. И. Калужного [2, с. 80–87]. Она указывает, что на конференции было шесть докладов, упустив из виду доклад В. С. Минахоряна об организационном вопросе (темы докладов – «Идеологические основы демократического социализма в понимании ПСР» (В. Г. Архангельский), «Социально-экономическая политика ПСР» (Е. А. Сталинский), «Рабочая политика ПСР» (М. В. Кобяков), «Земельная политика ПСР» (П. Д. Климушкин), «Организационный вопрос»

(В. С. Минахорян), «Политический строй после большевизма» (С. Н. Николаев и Е. Е. Лазарев), «Национальный вопрос» (С. П. Постников)).

М. В. Соколов, анализируя ташкентскую платформу ПСР, составленную ссыльными социалистами-революционерами в СССР, отмечает: «В конце 20-х гг. часть группы журнала «Воля России» (Е. Сталинский, В. В. Сухомлин, М. Л. Слоним), не принимая дикие методы сталинской коллективизации, была готова использовать ее результаты, т.е. обобществление крестьянских хозяйств, а член редколлегии О. С. Минор готов был и вовсе оставить крестьян в колхозах. Эта линия подвергалась резкой критике со стороны А. Ф. Керенского и группы «Современных Записок». В декабре 1930 г. – марте 1931 г. проходила конференция пражской группы ПСР, на которой звучали схожие мысли и жестко осуждалась практика коллективизации [3, с. 146–163]. Британский историк Э. Уайт в своей книге, посвященной эсеровской эмиграции, в основном проанализировала аграрную проблематику на конференции (доклад П. Д. Климушкина) [4, р. 122–125].

Несмотря на то, что руководство ПСР крайне отрицательно относилось к наличию значительной эсеровской эмиграции, за границей после октября 1917 г., в конце концов, оказалось довольно много видных деятелей ПСР, в том числе В. М. Чернов, Н. Д. Авксентьев, Е. К. Брешко-Брешковская, М. В. Вишняк, В. М. Зензинов, Е. Е. Лазарев, О. С. Минор и другие.

Начало эсеровской эмиграции положил отъезд Н. С. Русанова и В. В. Сухомлина в марте-апреле 1918 г. в Стокгольм, где они с Д. О. Гавронским образовали заграничную делегацию ПСР. В августе 1919 г. ЦК ПСР постановил передать мандат на представительство партии за границей «т.т. Рубановичу, Русанову, Сухомлину и Гавронскому» [5, с. 578]. В январе 1922 г. Центральное бюро ПСР утвердило заграничную делегацию в составе В. М. Зензинова, И. А. Рубановича, Н. С. Русанова, В. В. Сухомлина и В. М. Чернова. Местопребыванием 3Д ПСР был Париж, а с конца 1923 г. – Прага. Кандидатами в члены 3Д ПСР стали С. П. Постников, М. Л. Слоним и Г. И. Шрейдер.

Эсеровская эмиграция оставила большое идейно-теоретическое наследие, в том числе мемуарные и исторические работы (многие из них не опубликованы), непредвзятое изучение которых представляет немалый научный интерес. Это касается не только творчества В. М. Чернова, но и целого ряда других социалистов. С 1920 г. начинается выход периодических изданий ПСР за границей. Огромную роль в налаживании этого дела сыграл В. М. Чернов, уехавший из России в сентябре 1920 г. Сначала в Ревеле, а затем в Берлине он организовал издание журнала «Революционная Россия» (название повторяло заголовок центрального органа партии в 1901–1905 гг.). Первый номер «Революционной России» вышел в декабре 1920 г. Журнал издавался в Юрьеве (ныне Тарту), Берлине, Праге. «Революционная Россия» являлась, пожалуй, самым солидным эсеровским изданием за рубежом. В нем много писал В. М. Чернов, постоянно сотрудничали В. В. Сухомлин, Н. С. Русанов, С. П. Постников, Е. А. Сталинский и другие эсеры. Журнал уделял большое внимание программным и тактическим вопросам, регулярно публиковал партийные документы, помещал аналитические статьи о внутреннем положении в СССР, о международном социалистическом движении.

Помимо «Революционной России», эсеры издавали в эмиграции еще несколько печатных органов. В 1921 г. в Ревеле вышло три номера журнала

«За народ!» (официально он не считался партийным и именовался «рабоче-крестьянско-красноармейским журналом»), журналы, специализировавшиеся на вопросах политики и культуры «Воля России» (Прага, 1922–1932), «Современные записки» (Париж, 1920–1940) и др., в том числе на иностранных языках. В первой половине 1920-х гг. большинство этих изданий было ориентировано на Россию, куда нелегально доставлялась большая часть тиража. С середины 1920-х гг. связи заграничной делегации ПСР с Россией слабеют, и эсеровская печать начинает распространяться главным образом в эмигрантской среде.

С 16 по 24 ноября 1923 г. социалисты-революционеры провели в Праге первый съезд заграничных организаций ПСР. На нем для руководства партийной работой в эмиграции был избран Областной комитет заграничных организаций ПСР в составе В. Я. Гуревича, В. И. Лебедева, Ф. Е. Махина, О. С. Минора, И. П. Нестерова и Е. Ф. Роговского. В апреле 1925 г. Центральное бюро ПСР утвердило следующий состав заграничной делегации: В. Я. Гуревич, С. П. Постников, М. С. Слоним, Е. А. Сталинский, В. В. Сухомлин, В. М. Чернов и Г. И. Шрейдер [6, с. 648].

Пражская группа ПСР официально была организована в ноябре 1922 г. Она насчитывала около 40 членов и была, наряду с парижской, одной из ведущих в эсеровской эмиграции. В Праге длительное время жили В. М. Чернов и целый ряд других видных деятелей ПСР, выходили печатные органы партии. Чехословацкое правительство длительное время в рамках широко известной «Русской акции» поддерживало эмигрантов, в том числе социалистов-революционеров. Именно пражская группа эсеров выступила с инициативой проведения теоретической конференции, посвященной обсуждению актуальных вопросов партийной программы в свете изменений, происходивших в Европе и Советском Союзе.

В центре внимания на конференции 1931 г. находились вопросы социально-экономического и политического устройства будущей, постбольшевистской России и формулирование позиции партии социалистов-революционеров по этим проблемам. Уже в первые годы своей деятельности в рядах зарубежных эсеров отчетливо обозначились два идейно-политических течения – правое и левоцентристское. Главным их отличием было разное видение перспектив постреволюционной России. Если правые фактически являлись сторонниками буржуазно-либеральной модели общественного развития, то левоцентристы продолжали настаивать на необходимости строительства демократического социализма на российской почве.

Программа ПСР претерпела значительную эволюцию после 1917 г. Правые эсеры все более склонялись к демократическим, а не социалистическим методам государственного регулирования экономики и организации хозяйства. В общих чертах такая позиция сложилась уже к 1923 г. [7, с. 172–173]. В эмигрантский период своего существования и эсеры, и меньшевики отстаивали концепцию «смешанной» экономики, подчеркивали значение в деле восстановления России иностранного капитала. Обе партии уделяли особое внимание государственному регулированию хозяйства и оставляли в руках центральных властей важнейшие экономические рычаги.

Вопросы истории партии не находились в повестке дня конференции 1931 г., однако так или иначе затрагивались докладчиками. Более того, отно-

шение пражских эсеров (среди которых были представители разных партийных течений) к прошлому партии социалистов-революционеров, особенно событиям 1917 г., являлось довольно критическим. Это было заметно во время обсуждения вопроса о политическом строе России после большевизма (доклад С. Н. Николаева и Е. Е. Лазарева). Так, И. И. Калюжный, размышляя о причинах поражения ПСР, отметил ошибочность поддержки эсерами советов. По его мнению, «Временное правительство, государственная власть, ответственная за свои действия перед страной, оказались фикцией, лишенной всякого значения и силы. Фактическая власть была у безответственной частной политической организации – у советов. И партия с.-р., находясь еще в зените своего значения и влияния, не только допустила такое развитие советов, но и способствовала ему». Вывод Калюжного вполне определен – «партия с.-р. оказалась негосударственной и несостоятельной логически. Если она сознательно и способствовала всем своим поведением фактическому захвату власти советами, она должна была бы сделать соответствующие выводы – возложить на советы ответственность, устранить временное правительство и установить единовластие» [8].

Напротив, эсер Я. Г. Лозовой видел проблему партии именно в уходе в государственные дела: «Партия государство никогда не отрицало. Можно утверждать обратное: в 1917 г. партия слишком ушла в «государственность». Задачи общегосударственные, защита границ (оборончество) от внешнего врага, охрана правопорядка и права внутри страны и т.д. были в России во время революции задачами доминирующими, в ущерб политическим задачам партии как таковой» [8]. «Партия отстаивала государство как программный пункт, – подчеркивал Лозовой, – но, к сожалению, в партии не было решимости отстаивать свои задачи и цели, не было воли, а главное людей». Дискуссии такого плана шли в партии и в 1917 г., и в эмиграции; фактически они продолжаются и в современной исторической науке. Видимо, рациональные моменты есть и в той, и в другой позиции – с одной стороны, эсеры действительно превратились в 1917 г. из демократов в «государственников», однако эта эволюция была неполной и не затронула всю партию, с другой стороны, недооценка государственных институтов и переоценка массовых организаций (а XX в. трансформация общества проходила через государство) привели ПСР к кризису.

Наибольшее внимание причинам поражения ПСР уделил в своем докладе на пражской конференции С. П. Постников (1883–1965), опытный социалист-революционер, в 1917 г. депутат Учредительного собрания, гласный Петроградской думы и секретарь редакции главного партийного печатного органа – газеты «Дело народа». Он обратил внимание на проблему соотношения программы и тактики партии в 1917 г., а также на состояние партийных кадров. Постников отметил: «Итак, наша программа была хороша. Но почему же все-таки мы потерпели в революции разгром и поражение. По этому поводу следует вспомнить известную фразу Чернова, сказанную им еще в полемике с «искровцами»: «Мы-то, может быть, и плохи, но программа наша хороша». Чернов, конечно, тогда и не подозревал, сколько правды окажется в обоих частях его фразы в эпоху революции 1917 г. За нашу программу голосовал чуть ли не весь народ, но мы не сумели использовать это и провести свою программу, оказавшись плохими политиками и тактиками» [8].

И далее Постников обобщил причины неудачи партии – «...преимущество большевиков было в том, что они имели почти гениального тактика и организатора в лице своего лидера Ленина, в то время как у нас, с одной стороны, был лидером только теоретик Чернов, а с другой стороны – Керенский, главный герой февральской революции, хотя и политический тактик, но органически не связанный с партией и часто действовавший в порядке индивидуального. Если принять во внимание еще ряд других неблагоприятных обстоятельств для нашей партии, как то расхождение двух поколений в нашей партии, одного участника революции 1905 г. и примыкающих к нему старых народников, а другого, более молодого, вошедшего в партию в годы реакции и войны и остро чувствовавшего пафос революции 1917 г., то приходится сказать, что ни общей политики, ни общей тактики партия не имела» [8]. Ярким примером стала позиция ПСР в эпоху Брестского мира, «...когда партия в угоду принципам совершенно не считалась с реальной действительностью. Если бы партия действительно хотела бы, чтобы Учредительное Собрание имело возможность работать по восстановлению страны и по проведению требований революционной демократии, то прежде всего надо было заключать какой-то «модус вивенди» с немцами, а не разыгрывать благородных донкихотов в отношении союзников, которые, как показали последующие события, обошлись без России и очень скоро забыли о заслугах и правах России» [8]. Из этого опыта партия должна была вынести очень важный урок – учитывать фактическое соотношение сил при решении политических вопросов, особенно, как подчеркнул Постников, при решении национального вопроса, который, наряду с аграрным, являлся наиболее принципиальным в России.

Много позднее один из известных деятелей ПСР М. В. Вишняк, размышляя о феномене народничества, осуждал его за известный аполитизм, недоверие не только к существующей власти, но и к государству вообще и даже к представительным учреждениям, которые нужны будто бы только зажиточным классам. Отсюда надежды на лучшее будущее связывались многими ветвями народничества не с конституцией, а с социальной революцией, что, действительно, объективно могло сблизить их идеологию с известными тезисами о государстве и революции, сформулированными представителями революционного марксизма. Главнейшим же признаком народничества является признание *народа* определяющим агентом русской истории, ее правообразующим фактором. Кроме того, в поисках истины и справедливости народничество в конце концов пришло к признанию необходимости и равноценности всех видов эмансипации: политической, экономической, национальной, духовной. Как высоко ни расценивало оно экономическую эмансипацию, все же видеть в ней ключ ко всему другому оно отказывалось. Именно поэтому народничество было озабочено не столько развитием «производительных сил», сколько судьбой самих производителей и характером распределения произведенных благ [9, с. 225–242)].

Лидеры российских социалистических партий перешли на умеренные реформистские позиции в тот период, когда большинство населения страны (прежде всего рабочие и солдаты), в том числе и значительное количество рядовых эсеров и меньшевиков, стало придерживаться радикальных взглядов. Тем не менее социалистические партии в послеоктябрьской России были

в числе тех, кто дал старт попыткам разоблачить антидемократический характер большевизма. Неудача социалистов-революционеров и меньшевиков в этой борьбе, тем не менее, не тождественна их поражению в историческом споре о демократии, социализме и роли политических партий.

Материалы конференции в Праге 1931 г. свидетельствуют о противоречивом характере трансформации партии социалистов-революционеров в эмиграции [10]. Сильные стороны неонароднической модели – масштабность, гетерогенность социальной базы, опора на длительную традицию – парадоксальным образом привели эсеров к поражению. Народничество восприняло базовые ценности западной цивилизации, но пыталось смоделировать такую концепцию общественно-экономического развития России, которая, с одной стороны, учитывала ее исторические особенности и особенности менталитета ее народа, а с другой – взяв наиболее привлекательные черты и ценности западной цивилизации, оставляла за бортом ее негативные черты и тенденции (реакцией на которые явилось прежде всего появление в самой западноевропейской общественной мысли и практике феномена социализма) [11]. По мере развития коллективизации и индустриализации в Советском Союзе партия социалистов-революционеров утрачивала свое революционное содержание, все сильнее выступали консервативные очертания.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6065. Оп. 1. Д. 56.
2. **Фролова, Е. И.** Об «интегральном социализме» (Из выступления И. И. Калужного на Пражской конференции эсеров 1931 года) / Е. И. Фролова // Факты и версии: Историко-культурологический альманах. Исследования и материалы. – СПб. : ИМИСП, 2002. – С. 80–87.
3. **Соколов, М. В.** Дело «Реставрация». Ташкентская (1930 г.) платформа партии социалистов-революционеров / М. В. Соколов // Российская история. – 2012. – № 4. – С. 146–163.
4. **White, E.** The Socialist Alternative to Bolshevik Russia: The Socialist Revolutionary Party, 1921–1939 / E. White. – Milton Park, Abingdon, Oxon ; New York, Routledge, 2010. – 208 p.
5. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы : в 3 т. – М. : РОССПЭН, 2000. – Т. 3, ч. 2: Октябрь 1917–1925 г. – 1055 с.
6. Партия социалистов-революционеров после октябрьского переворота 1917 года: Документы из архива П.С.-Р. / собрал и снабдил примечаниями и очерком истории партии в пореволюционный период Marc Jansen. – Amsterdam : Stichting beheer IISG, 1989. – 772 с.
7. **Ярцев, Б. К.** Политико-экономическая платформа российского неонародничества в 20-е гг. / Б. К. Ярцев // Был ли у России выбор? (Н. И. Бухарин и В. М. Чернов в социально-философских дискуссиях 20-х годов). – М. : ИФ РАН, 1996. – С. 142–175.
8. Hoover Institution Archives. Nicolaevsky (Boris I.) Collection. – Box 28. – Folder 11.
9. **Вишняк, М.** Оправдание народничества / М. Вишняк // Новый журнал. – 1952. – Кн. 30. – С. 225–242.
10. **Суслов, А. Ю.** Постреволюционная история эсеров и меньшевиков в оценках социалистической эмиграции / А. Ю. Суслов // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. Серия «Гуманитарные и педагогические науки». – 2011. – № 3 (71), ч. 2. – С. 174–179.
11. **Суслов, А. Ю.** Современная историография российских социалистических партий: теоретико-методологические аспекты / А. Ю. Суслов // Общество: философия, история, культура. – 2012. – № 3. – С. 68–75.

References

1. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [State archives of the Russian Federation]. F. 6065. Op. 1. D. 56.
2. Frolova E. I. *Fakty i versii: Istoriko-kul'turologicheskiy al'manakh. Issledovaniya i materialy* [Facts and versions: historical-cultural literary miscellany. Researches and materials]. Saint Petersburg: IMISP, 2002, pp. 80–87.
3. Sokolov M. V. *Rossiyskaya istoriya* [Russian history]. 2012, no. 4, pp. 146–163.
4. White E. *The Socialist Alternative to Bolshevik Russia: The Socialist Revolutionary Party, 1921–1939*. Milton Park, Abingdon, Oxon; New York, Routledge, 2010, 208 p.
5. *Partiya sotsialistov-revolutsionerov. Dokumenty i materialy: v 3 t.* [The socialist revolutionary party. Documents and materials: in 3 volumes]. Moscow: ROSSPEN, 2000, vol. 3, part 2: october 1917–1925 g., 1055 p.
6. *Partiya sotsialistov-revolutsionerov posle oktyabr'skogo perevorota 1917 goda: Dokumenty iz arkhiva P.S.-R. Sobral i snabdil primechaniyami i ocherkom istorii partii v porevolutsionnyy period Marc Jansen* [The socialist revolutionary party after the October overturn of 1917: documents from SRP archives. Collected and supplemented with remarks and the essay of the party history in the post-revolution period by Mark Jansen]. Amsterdam: Stichting beheer IISG, 1989, 772 p.
7. Yartsev B. K. *Byl li u Rossii vybor? (N. I. Bukharin i V. M. Chernov v sotsial'no-filosofskikh diskussiyakh 20-kh godov)* [Did Russia have a choice? (N. I. Bukharin and V. M. Chernov in sociophilosophical discussions in 20-s)]. Moscow: IF RAN, 1996, pp. 142–175.
8. *Hoover Institution Archives. Nicolaevsky (Boris I.) Collection*. Box 28. Folder 11.
9. Vishnyak M. *Novyy zhurnal* [New journal]. 1952, bk. 30, pp. 225–242.
10. Suslov A. Yu. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. Seriya «Gumanitarnye i pedagogicheskie nauki»* [Bulletin of Chuvashiya State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev. Series «Pedagogical sciences and humanities»]. 2011, no. 3 (71), part 2, pp. 174–179.
11. Suslov A. Yu. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture]. 2012, no. 3, pp. 68–75.

Суслов Алексей Юрьевич

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра гуманитарных дисциплин,
Казанский национальный
исследовательский технологический
университет
(Россия, Республика Татарстан,
г. Казань, ул. Карла Маркса, 68)

E-mail: plusha131333@yandex.ru

Suslov Aleksey Yur'evich

Candidate of historical sciences, associate
professor, sub-department of humanities,
Kazan National Research Technological
University
(68 Karla Marksa street, Kazan,
the Republic of Tatarstan, Russia)

УДК 94(47+57)

Суслов, А. Ю.

Эволюция партии эсеров в эмиграции: конференция партии социалистов-революционеров в Праге (1931 г.) / А. Ю. Суслов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 1 (29). – С. 31–38.